

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 801-56

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.А. Андримонова

Аннотация

В статье дана суммарная характеристика специфики относительно-присоединительных предложений. Установлены диахронические сдвиги в их функционировании, раскрыто явление парцелляции. Выявлены причины активизации и способы вхождения относительно-подчинения с непередметно-анафорической связью в современное текстовое пространство.

Ключевые слова: относительно-подчинение, присоединение, непередметная анафора, функционально-стилистический.

Становление и упрочение относительно-подчинения было вызвано необходимостью перехода от неупорядоченности, совмещённых сочинительно-подчинительных структур к гипотаксису, к созданию синтагматически организованной фразы. Значимость данного явления для развития индоевропейского предложения была подчеркнута Ф.Е. Коршем, который писал, что «...такой важный шаг в словосочинении, как образование относительной конструкции, совершился не разом... должно было пройти много времени, прежде чем данный народ привык смотреть на известное присоединение одного независимого предложения к другому как на подчинение известного рода...» (см. [1, с. 258]). К. Бюлер расценивает это как «прорыв к той свободе, которая позволяет не только соотносить один член предложения здесь с одним членом предложения там, но и воспроизводить содержание целого предложения в другом предложении в виде его члена и наоборот. – Er whert sich mit Händen und Füßen, was taktisch völlig verkehrt ist. – Он защищается руками и ногами, что тактически совершенно ошибочно» [2, с. 380].

В системе относительно-подчинения, прежде всего, можно выделить три основных класса: присубстантивный, приместоименный и прифразовый. Если первые два были предметом целого ряда исследований – Н.А. Широковой (1952) [3], П.А. Дмитриева (1972) [4], В.А. Мишланова (1996) [5] и др., то третий тип, замеченный ещё А.М. Пешковским [6], остаётся недостаточно познанным и прояснённым, хотя его структурно-семантическая природа освещена

в работах Г.Н. Акимовой (1973) [7], Н.А. Андромоновой (1961) [8], (2001) [9], С.Е. Крючкова (1950) [10], В.Н. Мигирова (1952) [11] и др.

Ведущим отличительным признаком этих конструкций является связующий формант «что», соотносённый с непредметным антецедентом, то есть вбирающий в себя содержание всего главного предложения или его глагольно-предикатной части.

Анализ характера и объёма первичной непредметной номинации и отражения её в номинации анафорической позволяет говорить о том, что событийно-глагольная информация большего или меньшего размера, содержащаяся в главной части, подвергается процессу номинализации по требованию предметно-обобщающего местоимения «что» в связи с его преимущественной ролью тематического компонента в продвижении повествования.

Ментально-представленное и процедурно-восстановленное анафорическое выражение претерпевает те или иные изменения, преобразуя предшествующее содержание в аспекте его значимости как базы для поступательного развёртывания информации. Эти преобразования могут иметь характер конденсации значительного по объёму содержания полипропозитивного микротекста при концентрации внимания на ключевой мысли, интегрирующей эксплицитные и имплицитные смысловые звенья. В случаях корреляции анафорической номинации с монопропозитивными единицами и свёрнутыми пропозициями содержание местоимения «что» может быть интерпретировано за счёт событийных имён и называющих инфинитивов, а также за счёт фразовой повторной номинации описательного типа.

В семантическом плане они представлены двумя основными разновидностями, первая из них ориентируется на модусные значения (оценочные или метатекстовые) и является наиболее распространённой. Например:

Отложим споры до личной встречи, **что** лучше (Горьк., с. 348); Господину Голядкину показалось, что другой кликнул его громко по имени, **что**, разумеется, было весьма неприлично на улице (Дост., с. 214); Дорога наша была не та, по которой мы ездили в первый раз в Багрово, **о чём** я узнал после (Акс., с. 408).

Ко второй разновидности можно отнести структуры, передающие обстоятельство-распространительные значения при соотносённости двух диктумных ситуаций, событий в рамках семантики обусловленности или темпоральности. Приведём примеры:

Командование левым флангом принадлежало старшему полковому командиру. Командование же крайнего левого фланга было предназначено командиру Павлоградского полка, где служил Ростов, **вследствие чего** произошло недоразумение (Толст., с. 105) В течение этого мгновения доска, ушедшая от толчка в воду, выскочила на верхушку следующей волны, и он опустился на неё обеими ногами, **после чего** помчался, маневрируя, всё ближе и ближе, чтобы выскочить на пляж с доской под мышкой (Аксён., с. 13); Я не замедлил сообщить свою догадку на ухо своей сестрице и потом матери, и она очень смеялась, **от чего** и страх мой прошёл (Акс., с. 386).

Любопытным является тот факт, что рассматриваемые предложения носят характер обратноподчинённых, обнаруживая корреляцию с рядом прямоподчинённых. Это наблюдается по линии конверсных отношений с *изъяснительными*:

Не получаю журнала «Образование», **чем** весьма огорчён (Горьк., с. 215) → *Весьма огорчён, что не получаю журнала «Образование», а также с обстоятельными союзами – вследствие того, что → **вследствие чего**; благодаря тому, что → **благодаря чему**; после того как → **после чего** и т. п.*

Со стилистической точки зрения относительные придаточные обычно трактовались как книжные, не свойственные разговорному употреблению. Однако следует отметить, что в памятниках XVII – XVIII вв. они находятся в зоне разговорности, тесно взаимодействуют с указательными компонентами и носят неустоявшийся характер. Например:

О чём не сомневаемся, что уже ваше величество о томъ извѣстенъ есть (ПВ, с. 327); Чертежи бригадинные увезли вы с собою оба, и здесь ни одного не оставили, **чему** мы зело удивляемся, что вы так зделали (ПВ, с. 397); Прежде всего как и вам, так и к генералу Репнину о приготвлении лесов на брегантинны писали мы многожды, **того для** надеемся, что уже у вас леса приготвлены; **чего для** и мастера Броуна, которому делать, вскоре к вам пришлем (ПВ, с. 437).

В языке XVII – начала XVIII вв. имеют место вводящие средства – по чему, от чего, при чём, на базе которых формируются наречия и союзы:

Я признаюсь в моем незнании, **по чему** видно, что я человек чистосердечный (М.Д. Чулков) (РП, с. 113).

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что предложения с формантом «что» (= это) нередко выступают после точки, вопросительного знака:

Я подумала, что уже, конечно, последний час его жизни наступает и выпитый им яд начинает свое действие. **Чего ради** закричала я, чтобы вошли к нам люди (М.Д. Чулков) (РП, с. 123). Другая вопрошала, скоро ли умрёт муж? **На что** ей ответствовано было, что муж её через полгода умрёт (Н.И. Новиков) (РП, с. 441).

В конце XVII – XVIII вв. относительное подчинение этого типа оформилось как бинарная структура с постпозитивным формантом «что» (с учётом предложно-падежных форм и наречных образований от него), получившая черты книжности за счёт преобладания в научном и деловом стилях и использования в авторской художественной речи. Так, по нашим данным, эти предложения употребительны в трудах М.В. Ломоносова, И.В. Мичурина, И.П. Павлова, И.М. Сеченова, И.М. Губкина, К.Д. Ушинского, Л.В. Щербы и некоторых других. Они широко представлены в работах И.В. Мичурина. В его «Избранных сочинениях» (Мич.) на с. 124–175 – 43 предложения, на с. 284–340 – 55, на с. 22–123 – 62 примера.

Изучаемые конструкции характерны и для делового языка: приказов, постановлений, деловой переписки.

Что касается языка художественной литературы, то они имеют место не во всех жанрах и используются далеко не всеми писателями в одинаковой мере. Как правило, они наблюдаются у тех авторов, которые склонны к использованию многокомпонентных сложных предложений: Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.Ф. Писемского, Н.С. Сергеева-Ценского.

Относительные предложения прифразового типа обычно представлены в прозе, в лирике они встречаются редко и не характерны для драмы. В диалогах они малоупотребительны, кроме устойчивых формул речи – чего и вам желаю, с чем вас и поздравляю, что и требовалось доказать и т. п.

Проиллюстрируем сказанное материалом XIX и XX вв. (вплоть до 90-х годов XX в.), обеспечивающим их синтагматическую зависимость и стилистическую закреплённость, нередко с учётом семантического варьирования. Так, в произведениях Л.Н. Толстого они органически вплетаются в структуру усложнённых предложений при возможности (в случае большого объёма) их парентетической подачи:

Багратион знал, что, по расстоянию почти 10-ти вёрст, отделявшему один фланг от другого, ежели не убьют того, кого пошлют (**что** было очень вероятно), и ежели он даже и найдёт главнокомандующего, **что** было весьма трудно, посланный не успеет вернуться раньше вечера (Толст., с. 159); Князь Андрей покраснел, **что** с ним редко случалось теперь и **что** особенно любила Наташа, и сказал, что сын его не будет жить с ними (Толст., с. 159); Я здоров, но очень стар, **чем**, несмотря на противное мнение Авдотьи Васильевны, не огорчаюсь (ПЖ., с. 504).

90-е годы XX и начало XXI вв. существенно изменили функциональный статус относительных синтаксических единиц и ввели их в дискурсивное пространство, разговорный речевой пласт и прагматические смыслы.

Современная газетная публицистика свидетельствует о том, что периферийные звенья гипотаксиса, отличающиеся книжным характером и малой частотностью, передвигаются в востребованную зону придаточности, претерпевая при этом ряд функциональных сдвигов. Это, прежде всего, переход в зону разговорности и значительное увеличение частотности их использования, а также возможность расчленённой подачи, то есть склонность к парцелляции, которая в предшествующем их употреблении (XIX – XX вв.) исключалась. Явление дезинтеграции сложного предложения охватывает почти все виды союзного и даже относительного подчинения с союзными словами «который», «где». Например:

Я хочу жить в нормальной цивилизованной стране. **Где** нормальные дороги, нормальные квартиры, нормальные зарплаты. **Где** уважают знания, профессионализм, искренность в отношениях (Илья Волошин) (ЛГ 32, с. 14).

Если случаи с постановкой местоимений «который» и «где» после точки воспринимаются как ненормативные и нежелательные, то «дробление» синтагматической цепочки с относительным «что» (= это) – явление более частотное, завоёвывающее права гражданства в языке СМИ. Приведём примеры:

Причиной поисков исследователи почти единодушно провозглашают оттепель, подарившую творцу, по их мнению, подлинную свободу. **Что**, правда, кажется не очень верным (Евгений Маликов) (ЛГ 36, с. 9); У американцев скорее есть возможность влиять на нефтяные цены. **Что** для нас чувствительно (А. Шохин) (КП, с. 7); То есть мы всё равно, услышав матерное слово, воспринимаем его как пощёчину. **Что**, собственно говоря, несколько похоже на наше не менее архаическое впечатление от водки (В. Ерофеев) (ЛГ 32, с. 11).

В силу частотности «суверенизации» придаточных можно говорить о текстовой стратегии функционирования относительных предложений с формантом

«что»), об известных сдвигах в их статусе – ослаблении анафорической нагрузки при усилении присоединительной. Синтагматические сдвиги в функционирующей системе гипотаксиса, как правило, стимулируются нацеленностью современной публицистики на демократизацию, разговорность, антропоцентризм, аналитизм.

Следствием этих процессов является определенный синкретизм статуса частей СПП, которые нередко стремятся получить синтаксическую неподчинимость и автономность, приобретая признаки последовательностей текста и получая новые смысловые наложения.

Итак, рассмотренный материал свидетельствует о том, что относительные придаточные с событийно-анафорической связью представляют собой уникальную развивающуюся синтаксическую единицу, которая обеспечивает компрессию и расчленённость речи, осуществляет модусное акцентирование в функционально-текстовом аспекте и обнаруживает как на уровне синтагматики, так и парадигматики соотносённость почти со всеми составляющими синтаксической системы и грамматических связей.

Summary

N.A. Andramonova. Relative Subordination: Functional-Semantic Aspect.

The article presents specific characteristics of relative joining sentences and summarizes them. Diachronic shift is revealed. The ways of entrance of relative subordination with anaphoric coordination into contemporary texts are found out. Also the courses of intensification of relative coordination are shown.

Key words: relative coordination, joining, non-subject anaphoric, functional-stylistic.

Источники

- Акс. – Аксаков С.Т. Собрание соч.: в 4 т. Т. 1.–М.: Гос. изд. худ. лит., 1955. – 639 с.
Аксён. – Аксёнов В.А. Редкие земли. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.
Горьк. – Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 29. –М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. –572 с.
Дост. – Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. –М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. – 684 с.
КП – Комсомольская правда. – 2008. – 20 сент. – № 140.
ЛГ32 – Литературная газета. – 2008. – 6–12 авг. – № 32.
ЛГ36 – Литературная газета. – 2008. – 10–16 сент. – № 36.
Мич. – Мичурин И.В. Избранные сочинения. – М.: Гос. изд-во сельхоз. литературы, 1948. – 340 с.
ПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого в 10 т. Т. 10. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 870 с.
ПЖ – Письма Л.Н. Толстого к жене. – М.: Изд. С.Н. Толстой, 1915. – 604 с.
РП – Русская проза XVIII в.: в 2 т. Т. 1. – М.-Л.: Гослитиздат, 1950. – 631 с.
Толст. – Толстой Л.Н. Война и мир. – М.: ОГИЗ, 1945. – 688 с.

Литература

1. *Корш Ф.Ф.* Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. – Хрестоматия по истории русского языкознания. – М.: Высш. шк., 1973. – С. 253–258.
2. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативные функции языка. – М.: Универс, 1993. – 528 с.
3. *Широкова Н.А.* Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1952. – Т. 112, кн. 6.– С. 65–108.
4. *Дмитриев П.А.* Типология сложных предложений с присубстантивно-относительными придаточными (на материале сербохорватского и других славянских языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1972. – 31 с.
5. *Мишланов В.А.* Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. – 268 с.
6. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.
7. *Акимова Г.Н.* Очерки по синтаксису языка М.В. Ломоносова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1973. – 37 с.
8. *Андромонова Н.А.* Сложное предложение с придаточным пояснительно-оценочного типа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1961. – 23 с.
9. *Андромонова Н.А.* Русско-немецкие научные диалоги: синтаксический аспект // Beitrage zur Slavistic. – В. XXXV. – Deutsch-russischer Dialog in der Philologien. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – S. 21–27.
10. *Крючков С.Е.* О присоединительных связях в современном русском языке // Вопр. синтаксиса современного русского языка / Ред. В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 397–411.
11. *Мигурин В.Н.* «Относительные» придаточные предложения // Рус. язык в школе. – 1952. – № 6. – С. 7–12.

Поступила в редакцию
10.10.08

Андромонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.

E-mail: tataro4ka25@mail.ru